

DOI 10.35775/PSI.2025.122.10.031

УДК 32.327

А.Е. МАНУЙЛОВА

аспирант Дипломатической
академии МИД России, Россия, г. Москва
E-mail: makal1998@bk.ru

СОПЕРНИЧЕСТВО КИТАЯ И США В АФРИКЕ: ДИНАМИКА И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Статья анализирует современное соперничество КНР и США за влияние в Африке, с акцентом на различия подходов и инструментов в развитии инфраструктуры, цифровизации и новых технологий, доступе к минеральным ресурсам, обеспечении безопасности и формировании многосторонних механизмов. Рассматривается восприятие США в китайской дипломатии, что позволяет выявить специфику китайского видения глобальной конкуренции и его практическое воплощение в экономической и политической экспансии. Сравнительный анализ стратегий США и Китая показывает различия моделей влияния и их последствия для африканских государств, которые, взаимодействуя с внешними акторами, стремятся сохранить стратегическую автономию и выстраивать собственную повестку развития в условиях усиливающейся международной конкуренции.

Ключевые слова: Африка, Китай, США, соперничество, инфраструктура, цифровая экономика, минеральные ресурсы, стратегическая автономия, FOCAC, Belt and Road, DFC, мягкая сила.

Введение. Африка в XXI веке стала ключевой геополитической ареной формирующегося мирового порядка: она одновременно источник ресурсов и технологического развития, емкий рынок и потенциальный партнер в политико-экономических альянсах. На этом фоне усиливается соперничество Китая и США, охватывающее экономику, военную, цифровую, образовательную и дипломатическую сферы.

Ключевую роль играет интерпретация процессов самими акторами, определяющая их стратегическое поведение и инструменты внешнего воздействия. В китайском дискурсе США предстает как держава, стремящаяся сохранить глобальную гегемонию на фоне усиления КНР; этот взгляд отражается в официальной риторике, академических и аналитических публикациях, многосторонних форматах вроде FOCAC и в институционализации инициатив под эгидой «Один пояс – один путь».

Цель работы состоит в анализе африканского континента как ключевого пространства соперничества КНР и США и в выявлении динамики и новых инструментов влияния, используемых обеими державами. Методологическая база включает изучение официальных заявлений и программных документов,

сопоставление экономической и инвестиционной статистики с данными в сфере безопасности, а также дискурс-анализ политико-академических текстов КНР и США. На этой основе проводится сравнительное сопоставление моделей влияния и оценка их воздействия на африканские государства.

Исторический контекст: от идеологий к прагматизму. Африка долгое время служила пространством внешней проекции силы великих держав: в период холодной войны она была ареной идеологического соперничества СССР и США, после 1991 года интерес Вашингтона ослаб. Китай, напротив, с конца 1990-х последовательно наращивал присутствие в логике сотрудничества Юг к Югу, подчеркивая суверенитет и невмешательство. Поворотным рубежом стало учреждение в 2000 году Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC): в отличие от западных инициатив, китайская модель опиралась на инфраструктурные и ресурсные инвестиции без политических условий, что сделало ее привлекательной для многих африканских режимов. С 2013 года, после запуска инициативы «Пояс и путь», роль Африки в стратегии КНР существенно возросла.

В период президентства Дональда Трампа США сократили стратегический интерес к Африке, сузив повестку к вопросам торгового баланса и безопасности, что создало «вакуум возможностей», которым Пекин воспользовался для расширения экономического присутствия и активизации дипломатии. С приходом администрации Джозефа Байдена курс был скорректирован: перезапущены и институционально усилены программы экономического взаимодействия с африканскими государствами, ключевую роль получили инициатива Prosper Africa и расширенный мандат Корпорации международного финансирования развития США (DFC) [18].

Современное соперничество Китая и США разворачивается в рамках концептуально противоположных подходов. Китай опирается на прагматические инструменты экономической экспансии, делает ставку на инфраструктурное строительство и придерживается принципа невмешательства. США, напротив, стремятся утвердить нормативное лидерство через апелляцию к демократическим ценностям, защите прав человека и концепции «ответственного развития», добиваясь контроля над формированием правил международного взаимодействия.

Политика Китая в Африке: инвестиционные стратегии, цифровая трансформация и инструменты безопасности. В 2024-2025 гг. китайское присутствие в Африке оформляется как связанная многоуровневая стратегия, в рамках которой инвестиционные, инфраструктурные и институциональные инструменты сведены в единую систему долгосрочного влияния: координируются финансовые потоки, реализация проектов и подготовка кадров с прицелом на модернизацию энергетики, транспорта и цифровой связности, повышение предсказуемости сырьевых поставок и включение африканских рынков во внешнеторговые маршруты. По данным **Financial Times**, в первом полугодии 2025 г. совокупный объем инвестиций и строительных контрактов КНР составил около 39 млрд долл., при этом сохраняющаяся отраслевая диверсификация сочетается

с географической концентрацией в Анголе, Кении, Танзании и Нигерии, где проекты в энергетике, железнодорожном и портовом секторах, а также в сегментах передачи данных и облачных сервисов увязывают материальные активы с цифровыми платформами и тем самым повышают отдачу от капитала; в результате инфраструктурная дипломатия через пакеты финансирования, ЕРС-контракты и поставки оборудования служит одновременно каналом экономической экспансии и механизмом закрепления политико-институциональных связей, поскольку финансовые условия сопрягаются с локализацией и трансфером компетенций, параметрами эксплуатации и обслуживания, что при качественном проектном управлении снижает транзакционные издержки и стабилизирует доходы принимающих стран [9].

В рамках решений FOCAC-2024 формируется расширенный контур финансово-институциональной поддержки: пакет до 50 млрд долл. до 2027 г. с беспроцентными займами, частичным списанием долгов и грантами для МСП ориентирует сотрудничество на одновременное устранение инфраструктурных узких мест и стимулирование частного сектора, обеспечивающего загрузку мощностей и кумулятивные эффекты в смежных отраслях [5]. Ключевой элемент – подготовка 10 тыс. специалистов в ИИ, телекоммуникациях и логистике, что институционализирует человеческий капитал для эксплуатационной надежности и цифровой интеграции и создает базу для локализации компетенций управления жизненным циклом сложных систем, тогда как совокупность кредитных линий, грантов и образовательных инициатив переводит взаимодействие из разовых строек в многолетнее партнерство, где индустриальные парки, производственные кластеры и центры обмена опытом выступают узлами региональной промышленной политики и площадками передачи технологий и стандартизированных практик [5].

Завершение в 2024 году второго этапа железной дороги Момбаса Наивша в Кении стоимостью около 4,5 млрд долларов, связавшего глубоководный порт Момбасы с внутренними районами, усилило сопряжение восточноафриканских рынков с ориентированными на Азию морскими коридорами и показало, как при грамотной интеграции инфраструктурный объект становится катализатором сопутствующих инвестиций в склады, сухие порты и сервисы последней мили, формирует устойчивый спрос на персонал в эксплуатации, безопасности движения и цифровом диспетчировании, повышает эффективность цепочек поставок и снижает стоимость времени для экспортеров и импортеров [8]. В экономико-географическом и институциональном измерении это выразилось в сокращении сроков доставки и росте контейнерного оборота, а также в углублении координации между транспортными агентствами, энергетическими регуляторами и таможенными службами, где цифровые платформы синхронизируют графики движения, учет грузов и расчеты с поставщиками услуг, повышая прозрачность и предсказуемость для бизнеса [8].

Технологическая компонента сотрудничества приобретает системный характер: в соответствии с Пекинским планом действий на 2025-2027 годы

расширяются индустриальные парки, центры обмена опытом и молодежные образовательные программы, параллельно разворачиваются сети связи, облачные решения и центры обработки данных, которые в связке с электронной коммерцией и корпоративными сервисами непосредственно ускоряют производственные и логистические процессы, повышая оборот капитала и качество услуг [11]. Ключевыми интеграторами выступают Huawei и ZTE; по ряду оценок Huawei создала около 70 процентов 4G-инфраструктуры на континенте, что при акценте на кибербезопасность, интероперабельность стандартов и суверенитет данных требует согласования регуляторных рамок и развития национальных центров реагирования на инциденты для защиты критически важной инфраструктуры и укрепления доверия к цифровым сервисам [11]. В перспективе такие цифровые вложения должны мультиплицировать эффект материальной инфраструктуры за счет управления загрузкой мощностей в реальном времени, оптимизации графиков поставок и интеграции локальных поставщиков эксплуатации и обслуживания в единую систему жизненного цикла активов.

Участие китайских компаний в добыче кобальта, лития и редкоземельных элементов в ДРК, Замбии, Малави и Намибии предстает как целенаправленная и институционально оформленная стратегия обеспечения поставочной безопасности для аккумуляторной и электроэнергетической промышленности; по оценке Stimson Center, в 2023 году совокупный объем таких проектов достигал 8–10 млрд долларов, что существенно превосходило сопоставимые американские вложения на уровне около 300 млн долларов [13]. Горнодобывающие инициативы изначально встраиваются в транспортно логистические контуры, формируя вокруг месторождений инфраструктурный пояс из реабилитации железных дорог, модернизации портов и строительства дорожных коридоров, что иллюстрирует концессионная модель железной дороги Tazara с инвестициями около 1 млрд долларов, тогда как конструкции обмена ресурсы на инфраструктуру и кредитование с отсрочкой выплат синхронизируют обслуживание долга с фазами вывода проектов на проектные параметры [13]. Для принимающих стран приоритетами остаются наращивание местной добавленной стоимости через обогащение и переработку сырья, соблюдение экологических и социальных стандартов и институциональное включение локальных поставщиков в сервисный контур горнодобычи и транспорта, поскольку именно эти элементы определяют социальную приемлемость и долгосрочную окупаемость проектов [13].

Укрепляется контур безопасности: опорная база КНР в Джибути обеспечивает переходы кораблей ВМС НОАК, поддерживает антипиратские операции и сопровождение миротворческих миссий, повышая автономность развертывания и устойчивость материально-технического снабжения в западной части Индийского океана [10]. Параллельно обсуждаются возможные опорные точки на западноафриканском побережье (Экваториальная Гвинея, Габон), а расширение образовательных и тренинговых программ для силовых ведомств стандартизирует процедуры, повышает совместимость оборудования, укрепляет

институты сектора безопасности и снижает риски для инфраструктуры и транспортных коридоров [10].

В итоге формируется связанная матрица присутствия, где экономические пакеты, цифровые решения и инструменты безопасности взаимно усиливаются, ускоряя внутрирегиональную и внешнюю торговую интеграцию, рост производительности и энергетическую устойчивость [5; 8; 9; 11; 13]. До 2027 года динамика будет зависеть от качества проектного управления и межведомственной координации между инструментами ФОСАС, промышленными парками, образовательными инициативами и рамками сектора безопасности; при благоприятной конфигурации факторов это укрепит материальную и цифровую основу африканских экономик и закрепит позиции Пекина как ключевого партнерского центра долгосрочной трансформации производственных систем [5; 8; 9; 11; 13].

США в Африке: минералы, цифровое давление и инфраструктурные происки. Американская стратегия оформляется как связанный контур, сочетающий ставку на частный капитал и инфраструктуру с попыткой переформатировать логистику стратегических минералов и снизить зависимость от китайских маршрутов; ее символом выступает железнодорожный Lobito Corridor между Замбией, ДРК и Анголой, ориентированный на ускоренный вывоз меди и кобальта через Атлантику, с общей оценкой около 4,2 млрд долларов при участии DFC и партнерства G7 Global Infrastructure Partnership, что демонстрирует стремление построить Африку в новую архитектуру поставок при минимизации китайского участия [6]. Этот контур дополняют проекты цифровой трансформации и зеленой энергетики с вложениями порядка 750 млн долларов через USAID и МСС, а также соглашения 2025 года по добыче лития в Мозамбике, кобальта в Малави и редкоземельных элементов в Намибии, нацеленные на переориентацию сырьевых потоков и модернизацию инфраструктурно-регуляторной среды для частных инвесторов [6].

Ориентация США на частный сектор предполагает стимулирование венчурной активности, развитие инкубаторов, распространение финтеха и финансового включения, то есть формирование экосистемы цифровых платежей, кредитных скорингов и электронной коммерции, поддерживающей МСП и укрепляющей локальные цепочки стоимости, однако на практике эта архитектура сталкивается с длительными циклами одобрения, жесткими требованиями комплаенс и меньшей оперативностью по сравнению с китайской моделью, часто воспринимаемой африканскими партнерами как более гибкая и менее политизированная [6]. Такой дизайн порождает парадокс, при котором сложные финансовые инструменты и многоступенчатая оценка рисков повышают прозрачность и подотчетность, но одновременно замедляют реализацию и ослабляют ранний эффект демонстрации, необходимый для закрепления доверия в инфраструктурных циклах.

Поддержка маршрута Lobito Corridor выступает как флагманская попытка закрепить альтернативную китайским логистическим решениям траекторию экспорта стратегических минералов. Первая фаза профинансирована на сумму

около 550 млн долларов, а совокупные обязательства, включая объявленные президентом Байденом около 600 млн долларов в конце 2024 года, поднимают общий контур свыше 4 млрд долларов. Это формирует устойчивую пропускную способность от месторождений ДРК и Замбии к атлантическим портам Анголы и новый стандарт предсказуемости поставок для переработчиков и производителей аккумуляторных компонентов [7]. Вектор усиливают соглашения 2025 года по литиевым, кобальтовым и редкоземельным активам, призванные связать добычу, транспорт и частный капитал в переработку и логистику, однако без сопоставимой промышленной кооперации и программ локализации добавленной стоимости эффект может остаться в рамках традиционной сырьевой модели [6; 7].

Цифровая повестка представлена как автономный инструмент влияния через Prosper Africa и стратегию Digital Transformation, продвигающие поддержку предпринимательства, внедрение облачных сервисов, развитие защищенной коммуникационной инфраструктуры и интеграцию зеленых технологий как основы устойчивого роста и привлечения долгосрочного частного капитала. Одновременно африканские стейкхолдеры критикуют политизацию, длительные процедуры согласования и недостаточную гибкость, что затрудняет адаптацию к местным реалиям и бюджетным циклам [6]. В ответ американские институты развития апеллируют к стандартам транспарентности и защите прав пользователей данных, тогда как китайские комментаторы трактуют этот акцент как идеологизацию цифрового сотрудничества и форму политического давления, противопоставляя тезис о технологической нейтральности и ориентации на прикладной результат без внешних политических условий [6].

США в сфере безопасности и дипломатического присутствия используют широкий спектр инструментов мягкой и жесткой силы (поддержку центров миротворчества, поставки легкого вооружения, совместные учения и контртеррористические программы) при акценте на кооперацию с региональными партнерами без создания крупных постоянных баз; это повышает гибкость и снижает издержки длительной дислокации, но уменьшает визуальную и институциональную выраженность присутствия, ослабляя репутационный эффект и потенциал долгосрочной сервисной поддержки инфраструктуры. В китайской аналитике такой подход трактуется как милитаризованная дипломатия, где безопасность служит рычагом геополитического давления, тогда как инфраструктурное строительство и технологическая поддержка остаются второстепенными, что противопоставляется модели Пекина, увязывающей капитальные вложения, строительные контракты и подготовку кадров без явных политических условий.

На уровне дискурса китайские аналитики и официальные структуры трактуют активизацию США как запоздалую реакцию и стратегию сдерживания КНР, а риторику о «долговых ловушках» – как инструмент дискредитации без сопоставимых по масштабу и скорости альтернатив; обзор Китайской академии международной торговли и экономики за 2025 год подчеркивает реактивность американской стратегии, исходящей из геополитических расчетов, а не приоритетов

африканских обществ, что углубляет разрыв между декларациями и практическими инструментами на местах [11]. В итоге складывается амбициозный, но внутренне противоречивый контур политики США: опора на частный сектор и критические минералы, дополненная цифровыми и энергетическими инициативами, потенциально создает точки роста и опоры диверсификации, однако институциональные ограничения, бюрократическая инерция и политизированное восприятие замедляют реализацию и уменьшают глубину проектов, снижая фактическую конкурентоспособность по отношению к китайскому предложению [6; 7; 11].

Заключение. Африка начала XXI века предстает как емкое ресурсно-геоэкономическое поле и одновременно как ключевая сцена стратегического соперничества Китая и США, где, с одной стороны, Пекин, встраивая континент в архитектуру «Пояса и пути», последовательно наращивает политическое, экономическое и культурное присутствие посредством инфраструктурных инвестиций, технологической кооперации и инструментов мягкой силы; с другой стороны, Вашингтон репозиционирует свое участие через пакеты цифровой трансформации, демократического управления, устойчивого развития и создание альтернативных маршрутов для критически важных минералов, что порождает наложение конкурирующих институциональных логик и норм политической экономии: прагматически ориентированной инфраструктурно-производственной модели Китая и модели США, опирающейся на рыночные инструменты, частный капитал и ценностные ориентиры внешней политики [5; 1].

В многостороннем измерении этот контраст приобретает институционально закреплённый характер: Китай в 2024–2027 гг. через FOCAS институционализирует пакет в 50 млрд долл. с беспроцентными кредитами и акцентом на индустриализацию в логике сотрудничества Юг–Юг, тем самым конструируя образ предсказуемого государственного кредитора и подрядчика с длинным горизонтом планирования и высокой толерантностью к инфраструктурным рискам [5]; Соединенные Штаты продвигают инициативы по линиям G20 (под председательством Южной Африки), G7 PGII, европейского Global Gateway и Prosper Africa, декларируя мобилизацию частного капитала и стандарты транспарентности, однако сталкиваются с репутацией краткосрочности и политической обусловленности обязательств, а также с процедурной инерцией, что ослабляет демонстрационный эффект для принимающих стран и снижает темп прохождения проектного цикла от одобрения к запуску [1]. На операционном уровне механика различий проявляется в том, что китайская связка государственно ориентированного финансирования, экспортируемых производственных мощностей и кадровых программ интегрирует транспортно-энергетическую инфраструктуру, индустриальные парки и подготовку специалистов в единую экосистему трансфера технологий и организационных практик без явных политических предикатов; американская конфигурация, напротив, акцентирует частный сектор, венчурные и проектные финансы, цифровые и «зеленые» решения

и нормативно-ценностные рамки выравнивания институтов и рыночных правил, что, по оценкам части африканских и китайских наблюдателей, придает ей избыточно идеологизированный характер и воспринимается как попытка сдерживания КНР [1; 5].

Дискурсивный разрыв, системно воспроизводимый в работах китайских стратегов и академических авторов, закрепляет бинарную оппозицию, в рамках которой США конструируются как гегемон, стремящийся консервировать мировой порядок, основанный на западных нормах и институтах, тогда как Китай позиционирует себя как развивающуюся силу, предлагающую «бесконфликтный» и прагматичный маршрут через экономическую интеграцию, промышленную кооперацию и технологический трансфер; такая самоописательная рамка одновременно структурирует внешние коммуникации и снижает воспринимаемый политический риск у партнеров, переводя переговорную повестку в плоскость параметров стоимости, сроков и локализации производств [5; 1].

На этом фоне африканские государства демонстрируют возрастающую агентность, выстраивая стратегическую автономию посредством усиления региональных институтов и выборочной адаптации внешних предложений, что выражается в ревизии условий инвестсоглашений, ужесточении требований к локализации добавленной стоимости и переработке сырья in-country, а также в балансировании портфелей между инфраструктурными контрактами Китая и американскими программами в сферах здравоохранения, цифровой экономики, управления и безопасности [1; 12; 16]. Иллюстративны кейсы: Сенегал совмещает китайскую поддержку строительства административного комплекса и университетской инфраструктуры в Дакаре с соглашением США 2024 года по линии USAID о поставках медоборудования и участии в Global Health Security; Гана, располагая значительными запасами лития и золота, в 2024–2025 годах повышает требования к китайским инвесторам по переработке руды и привлечению локальных подрядчиков, одновременно заключая с DFC договоренности о вложениях в логистику и переработку для «зеленой» энергетики, тем самым конвертируя междержавное соперничество в инструмент национальной технологической и промышленной модернизации [12; 16].

Синтетически различие сводится к двум траекториям: китайская, ориентированная на материальную инфраструктуру, производственные цепочки и подготовку кадров при минимальной политической обремененности, ускоряет развертывание активов и наращивает связанность, но упирается в растущую стратегическую автономию африканских партнеров и усиление региональных институтов; американская, фокусирующаяся на цифровой трансформации, критических минералах и институциональной стандартизации через многосторонние площадки, укрепляет правила и снижает информационные асимметрии, однако нередко воспринимается как эпизодическая и политически контингентная, что ухудшает оперативность и предсказуемость крупных инфраструктурных циклов [1; 5].

Отсюда соперничество Китая и США выступает не «нулевым выбором», а структурирующим фактором зарождающейся многополярности: африканские государства, опираясь на расширенный переговорный инструментарий, институциональное совершенствование и требования к локализации, перераспределяют ренту развития в свою пользу и соучаствуют в архитектуре нового миропорядка, превращая контраст подходов из идеологического тезиса в практическую матрицу проектных решений, задающую траектории капитала, темпы технологической диффузии и степень суверенного контроля над цепочками стоимости [1; 5; 12; 16].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Байден заявил, что «Африка – это будущее», пообещав новые инвестиции в Анголе // Associated Press // <https://apnews.com/article/f5dd55e80331f2416136ff34bab60d4d>.
2. Китай и Африка: инвестиции в ключевые отрасли в 2025 году // AfricaIA // <https://www.africaia.com/insights/china-africa-investments-in-2025-key-trends-and-how-it-can-improve-africas-competitiveness>.
3. Africa-EU – International Trade in Goods Statistics, Eurostat // http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Africa-EU_-_international_trade_in_goods_statistics.
4. **Alain Faujas.** China May Scale Back Investment in Africa, Says New Report, Africa Report // <http://theafricareport.com/51202/china-may-scale-back-investment-in-africa-says-new-report>.
5. Beijing Action Plan 2025-2027, China-Africa Cooperation Forum (FOCAC) // Ministry of Foreign Affairs of the PRC // https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485719.html.
6. Biden says 'Africa is the future' as he pledges millions more on the last day of Angola visit AP. 4.12.2024 // <https://apnews.com/article/f5dd55e80331f2416136ff34bab60d4d>.
7. Biden visits Angolan port city of Lobito to tout railway plans // Reuters. 04.12.2024 // <https://www.reuters.com/world/biden-visits-angolan-port-city-lobito-tout-railway-plans-2024-12-04>.
8. **Brautigam D., Bhalaki V., Deron L., Wang Y.** How Africa Borrows From China: And Why Mombasa Port is Not Collateral for Kenya's Standard Gauge Railway // China Africa Research Initiative (CARI), Johns Hopkins University – SAIS. 2020 // <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/253388/1/sais-cari-wp52.pdf>.
9. China's Belt and Road investment and construction activity hits record // Financial Times. 2025 // <https://www.ft.com/content/a2635ba1-198e-4014-8030-7e420edf34be>.
10. China steps in as US pulls back from diplomacy, report says // Reuters. 14.07.2025 // <https://www.reuters.com/sustainability/society-equity/china-steps-us-pulls-back-diplomacy-report-says-2025-07-14>.

11. China's strategic gains and vulnerabilities in Africa // Africa Center for Strategic Studies // <https://africacenter.org/spotlight/china-in-africa-strategic-gains-strategic-vulnerabilities>.
12. China signs electricity, infrastructure deals with Chad, Senegal // Reuters. 2024 // <https://www.reuters.com/world/china-signs-electricity-infrastructure-deals-with-chad-senegal-2024-09-04>.
13. Competing for Africa's Resources: How the U.S. and China Invest in Critical Minerals // The Stimson Center. 14.06.2025 // <https://www.stimson.org/2025/competing-for-africas-resources-how-the-us-and-china-invest-in-critical-minerals>.
14. Development finance in Africa: The new terrain for US-China rivalry // The Africa Report. 22.01.2025 // <https://www.theafricareport.com/373338/development-finance-in-africa-the-new-terrain-for-us-china-rivalry>.
15. Equatorial Guinea: A Case Study in the Impact of the U.S.-China Rivalry in Africa // Foreign Policy Research Institute. 12.05.2024 // <https://www.fpri.org/article/2024/05/equatorial-guinea-a-case-study-in-the-impact-of-the-us-china-rivalry-in-africa>.
16. Ghana signs agreement with nine additional gold mines to purchase 20% of their output // Offshore Engineer / Energy News. 2025 // [ghana-signs-agreement-with-nine-additional-gold-mines-to-purchase-20-of-their-output](https://www.offshoreengineer.com/ghana-signs-agreement-with-nine-additional-gold-mines-to-purchase-20-of-their-output).
17. Navigating the U.S.-China AI Competition: An African Perspective // Africa Strategy and China in the Region (ASCIR). 18.02.2025 // <https://ascir.org/2025/02/18/navigating-the-u-s-china-ai-competition-an-african-perspective>.
18. **Nicolas Cook and Brock R. Williams.** The Trump Administration's Prosper Africa Initiative, Congressional Research Service // <http://fas.org/sgp/crs/row/IF11384.pdf>.
19. The railway that China hopes will take on the US in Africa // Financial Times // <https://www.ft.com/content/23e56860-7115-41c1-b5a7-93420e52c8b8>.
20. U.S.-China Rivalry in the Trump Era: Global Realignments and African Theatre // Inclusive Society // <https://www.inclusivesociety.org.za/post/us-china-rivalry-in-the-trump-era-global-realignments-and-african-theatre>.
21. **Will Green, Leyton Nelson, and Brittney Washington.** China's Engagement With Africa: Foundations for an Alternative Governance Regime, U.S.-China Economic and Security Review Commission // http://uscc.gov/sites/default/files/2020-05/Chinas_Engagement_Africa.pdf.

A.E. MANUYLOVA

PhD student, Diplomatic Academy
of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

CHINA-US RIVALRY IN AFRICA: DYNAMICS AND NEW APPROACHES

The article analyzes the contemporary competition between the PRC and the United States for influence in Africa, focusing on differences in their approaches and instruments across infrastructure development, digitalization and new technologies, access to mineral resources, security provision, and the formation of multilateral frameworks. It examines how the United States is perceived in Chinese diplomacy, which reveals the specificity of China's understanding of global competition and its practical manifestation in the PRC's economic and political expansion. A comparative analysis of U.S. and Chinese strategies highlights divergences in their models of influence and the implications for African states, which, while engaging with external actors, seek to preserve strategic autonomy and shape their own development agendas amid intensifying international competition.

Key words: Africa, China, USA, rivalry, infrastructure, digital economy, mineral resources, strategic autonomy, FOCAC, Belt and Road, DFC, soft power.